

ШЕВЧЕНКО Юлия Юрьевна,

аспирант кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

ОППОЗИЦИЯ ОБРАЗОВ ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются ценностные основания значимых для русской культуры прецедентных феноменов — художественных персонажей Обломова и Штольца. Представлена оппозиция образов, сформировавших впоследствии лингвокультурные концепты ОБЛОМОВ и ШТОЛЬЦ. Ценностное противопоставление концептов отражает проблему цивилизационного выбора, основополагающего для русской культуры. Оппозиция ценностных ориентаций, воплощённых в образах Обломова и Штольца («созерцательность/деятельность», «рациональное/иррациональное», «прогресс/традиция» и др.), соответствует параметрам, применяемым при сравнении западных и восточных культур. Текстовый уровень воплощения концептов позволяет выявить специфические характеристики русского языкового сознания, которые заключаются в ориентации на «обломовскую модель мира», предпочтение созерцательных, традиционных и иррациональных ценностных установок.

Ключевые слова: лингвокультурология, прецедентный феномен, лингвокультурный концепт, западничество, славянофильство, Обломов, Штолец.

Новый виток напряжения геополитической ситуации в мире, связанный с противостоянием России и Запада, возвращает нас сегодня к извечной и основополагающей для русской культуры дискуссии о месте в мире и векторе её развития. Соперничество двух тенденций: ориентации на Запад и ориентации на специфический российский путь — оказалось сколь фундаментальным, столь и неразрешимым. В течение нескольких столетий дискуссии на эту тему, то вспыхивая с новой силой, то затихая, определяли фон культурной жизни. В них были вовлечены все лучшие российские умы, и в самоопределении по данному вопросу видели проявление активной гражданской позиции. Как показывают сегодняшние события, актуальность исследования формирования и эволюции лингвокультурных оснований таких дискуссий остаётся чрезвычайно высокой.

Интеллектуальное осмысление проблемы, оформившееся ко второй половине XIX века, принято называть спором славянофилов и западников. Оно началось с опубликованного в 1836 году П. Я. Чаадаевым «Философического письма», в котором он выступил с резкой критикой российской культуры. Человек, долгое время проживший за границей, представил некий обвинительный акт российскому народу и его культуре. Он писал об умственной и духовной отсталости великороссов, о неразвитости представлений о долге, справедливости, праве и порядке, об отсутствии какой-либо самобытной человеческой «идеи». «Народы — существа нравственные точно так же, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру», — писал Чаадаев [9]. Его идеи попали на подготовленную почву, породив бурную полемику о сущности российской культуры, её истории и путях дальнейшего развития. Общественное мнение разделилось на два полярных лагеря: славянофилов и западников.

Главной идеей западничества можно считать культурную отсталость России от Западной Европы. В соответствии с этой точкой зрения, Россия должна пройти основные этапы западного пути развития, усвоить европейскую науку, нормы политического и социального устройства. Славянофилы же отстаивали идею существования для России собственного, самобытного пути исторического развития. Они стремились показать, что западные ценности не могут в полной мере прижиться на российской почве и как минимум нуждаются в некоторой адаптации.

Определяющее место в этой дискуссии принадлежит литературе, традиционно для России совмещающей философскую, эстетическую и социально-политические площадки. В качестве основного лингвокультурного типажа русской литературы длительное время находился бездеятельный, мечтательный и созерцательный человек, позднее получивший определение «лишний». Он воплощал собой понимание национального русского характера. Типология и претекст созерцательного, недееспособного и пассивного русского человека своими корнями восходит ко временам Руси и былинной эпохи: «придите володеть и княжити над нами» («Повесть временных лет», 862 год).

Традиционно особенности русской души связываются с необъятными пространствами страны и низкой плотностью заселения. Бескрайность пространства, считал Николай Бердяев, травматична для русской души: русская душа «ушиблена ширью», безграничность стала фактом психологии русского народа, поработавшая человека. «Духовная энергия», — пишет философ, — «вошла внутрь, в созерцание, в душевность», и смирение стало способом самосохранения [1]. Во многом особенности характера русского человека определяются также длившимся более двух веков монголо-татарским игом, ставшим школой отречения и терпения. К смирению приучали суровый русский климат и железная воля самодержцев. Принятие христианства не привнесло больших изменений в характер героя русского эпоса, поскольку православие со своей доктриной аскетизма превозносило вовсе не активные, а пассивные добродетели: смирение, кротость, подчинение судьбе. Церковь подчёркивала, что человек призван не к внешней, но к внутренней активности. «Русские писатели изображают слабого человека, безвольного человека, в сущности — ничтожного человека, ещё страшнее и глубже — безжизненного человека, который не умеет ни бороться, ни жить, ни созидать, ни вообще что-нибудь делать, а вот, видите ли — великолепно умирает и терпит!!!» [7, с. 152].

Известно, что в период осуществления петровских реформ идеал деятельного человека начал вытеснять идеал человека созерцательного. Образцом для подражания становится не кроткий и святой человек, а деятельный и творческий. Начиная с петровской эпохи в русской литературе появляются деятельные герои: от карамзинского Леонида и гончаровских Адуева и Штольца до Соломина и профессора дяди Вани, любимая фраза которых: «Надо дело делать!» [8].

В яркой художественной форме западническо-славянофильское противостояние отразилось в романе И. А. Гончарова «Обломов»: идеал человека восточного типа — статика, доведённая до совершенства, был показан в образе Обломова. Этот идеал противостоял жизненному идеалу человека западноевропейского типа — динамике, доведённой до совершенства в образе Штольца. Показательно, что, в отличие от Добролюбова, заклеившего позором «обломовщину», сам Гончаров относится к своему герою двойственно. Лень приводит к жизненному краху и распаду личности Обломова, но он вызывает больше симпатий, чем деятельный Штолец. Обломов воплощает черты, которые традиционно считаются присущими русскому национальному характеру. Сочетание *русская лень* столь же стандартно, как *русская душа* [4].

Персонажи, представленные в романе, оказались знаковыми для русской культуры. Мы полагаем, что сегодня их, обросших дополнительными смыслами и ассоциациями, можно считать лингвокультурными концептами. В самом общем виде под лингвокультурным концептом понимают единицу коллективного и индивидуального знания, культурно маркированную и имеющую языковое выражение. Определяющей характеристикой лингвокультурного концепта является наличие в его содержании аксиологического компонента [3]. Концепт входит в оценочный кодекс той или другой лингвокультуры, в отличие от понятия, которое становится лишь тогда концептом, когда оно валоризируется [6, с. 28].

Как известно, лингвокультурная ценность концепта — знания, образы и ассоциации, которые наслаиваются на понятие через знаковый код языка, а потому они глубоко интериоризованы у каждой языковой личности. Формируется она, в частности, благодаря этнокультурным феноменам. Например, сценарии этнокультурного поведения немцев определяются такими феноменами, как порядок, запрет, внимание, страх, японцев — извинение, оправдание, самоуничтожение, выраженность/невыраженность желаний, русских — душа, тоска, судьба, авось [2]. Воплощение русского сценария жизни и представления о нормах поведения в концепте ОБЛОМОВ делает его значимым фрагментом русской лингвокультуры.

В рамках данной статьи мы попытаемся, применяя методы лингвокультурологического анализа, исследовать знаковую для русской литературы и культуры в целом оппозицию образов ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ сквозь призму противопоставления восточного (русского) и западного типов мышления или векторов цивилизационного развития. Применение лингвокультурной методологии к традиционному для лингвистики объекту изучения позволяет говорить о новизне исследования.

Лингвокультурологическая методология предлагает тройственную структуру концептов, состоящую из понятийного, перцептивно-образного и ценностного компонентов. Наиболее значимым для лингвокультурологии является последний. Поскольку в современных исследованиях сосуществуют несколько отличающихся подходов, подчеркнём, что под ценностной компонентой мы будем понимать в первую очередь ценностные ориентации, которыми руководствовались в своей деятельности изучаемые персонажи, те исходные мировоззренческие позиции, которые до сих пор приписываются в русском коллективном языковом сознании Штольцу и Обломову.

Ценностно-нормативное противопоставление приводит к оценке двух типов поведения и отношения к жизни: созерцательного и активного. Созерцательный человек видит свою цель не в деянии, но в *бытии*: «*Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью <...>, ни случайностью <...>, ни наслаждением <...>: это было его нормальным состоянием. Когда*

он был дома, — а он был почти всегда дома, — он всё лежал...»; «Он, как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван, подопрёт голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока наконец голова утомится от тяжёлой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага...»; «тогда только решается он отдохнуть от трудов и переменить заботливую позу на другую, менее деловую и строгую, более удобную для мечтаний и неги». Обломов в ужасе от любого перемещения, даже такого, как переезд в новую квартиру. На вопрос Штольца, разве усидел бы Обломов всегда дома и никуда бы не поехал, тот уверенно отвечает «Ни за что!». Подчёркивая свою инаковость и отличие, на предложение попутешествовать Обломов парирует: «Англичане: так уж те так Господом Богом устроены; да и негде им жить-то у себя. А у нас кто поедет? Разве отчаянный какой-нибудь, кому жизнь нипочём». Такое отношение героя к движению существенным образом определяет структуру романа, ведь «его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем всё крепче и постояннее водворялся в своей квартире», и вообще «он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете». Пространство романа сужается до комнаты, до дивана, на котором лежит Обломов.

Созерцательности Обломова противопоставляется активность Штольца. Для него определяющим модусом является движение, избегающий пустой мечтательности и бездействия, он чётко видел цель своего существования и поэтому «шёл да шёл прямо по избранной дороге», «он беспрестанно был в движении». В глазах Запада только деятельный человек является человеком полноценным, западная философия учит делать, а не рассуждать.

Отношение к прогрессу также значимо. Если Штолец является убеждённым сторонником прогресса, активно пользуется его плодами, то для Обломова любые кардинальные перемены — мучительны и смертельны. Когда Штолец радостно сообщает Обломову о том, что «в Верхлёве пристань хотят устроить и предположено шоссе провести, так что и Обломовка будет недалеко от большой дороги, а в городе ярмарку учреждают», тот видит в этом только негатив «— Ах, Боже мой! — сказал Обломов. — Этого ещё недоставало! Обломовка была в таком затишье, в стороне, а теперь ярмарка, большая дорога! Мужики повадятся в город, к нам будут таскаться купцы — всё пропало! Беда!»

Для Обломова основной ценностью является покой: «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и личного веселья». Соответственно, всё, что нарушало покой, наделялось отрицательной оценкой: «неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой». Штолец же превыше всего ценит движение вперёд, для него «труд — образ, содержание, стихия и цель жизни», хотя Обломов считает, что такой образ жизни «это какава-то кузница, не жизнь; тут вечно пламя, трескотня, жар, шум... когда же пожить?». В тексте романа насчитывается 154 случая употребления слова «покой» и его производных, тогда как слово «труд» и его производные употребляются только 107 раз. Таким образом, можем констатировать реализацию с помощью образов главных персонажей чёткой ценностной оппозиции «покой — труд», что влечёт за собой и проявление антагонистических поведенческих парадигм «созерцание — деятельность».

С Обломовым происходят только не зависящие от него события. Он не инициатор. Он чувствует себя всегда объектом, а не субъектом действия. «Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжёлую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения... Видно, уж так судьба... Что ж мне тут делать?..» В противоположность ему Штолец «шёл твёрдо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца». Штолец всегда хозяин положения и своей жизни, он самостоятельно преобразует себя, свою жизнь и мир вокруг. Сегодня бы Штольца назвали *self-made man*.

Обломов — человек переходного времени [8]. Он принадлежит одновременно двум эпохам и пространствам. Убеждения и планы связывают его с новым миром, европеизированной столицей, Петербургом, а привычки и воспитание тянут его в прошлое, в патриархальную деревню. В Обломовке, родовой деревне в губернии «чуть не в Азии», и в восстановленной на Выборгской стороне идиллии царит культ еды, питья и сна. Когда Обломов влюбляется, предметный мир исчезает, гастромания прерывается. Спадает с него и домашний халат. А когда пролетела любовь, герой снимает европейский костюм и опять надевает халат, становящийся в романе символом восточной лени. Одежда (халат — прекрасно спитый сюртук — халат) — эмблематическая деталь в образе Обломова, обозначающая различные этапы его духовного состояния. Характерный для Обломова образ жизни переносится на предмет, даже самые простейшие предметы, например, часть одежды, теряют своё повседневное значение и вызывают скрытую в глубинах сознания мысль о дихотомии Европы и России.

В результате предметный мир преобразуется в метафорический комплекс. *«Как шёл домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу всё шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани»*. Халат почти прирос к телу, внешняя форма становится внутренней сущностью. Интерес представляет не только предметный мир, но и отношение к ним не хозяев. Обломов живет среди предметов, находится с ними в душевной связи. Предметы — символы, они несут в себе прошлое, настоящее и даже будущее своих владельцев. Таковы кровать, халат, тапочки, покрытая пылью и оставленная открытой книга, неразрезанные газеты, обшарпанная мебель. Обломов гармонично «вписан» в свой мир, он его неотъемлемая часть, он не хозяин, а элемент этого мира. Мы полагаем, что это чётко проявленная традиционная характеристика восточных культур, в которых человек стремится не доминировать над миром (как Штольцы), а быть с ними в целостности и гармонии, быть не объектами, но субъектами.

Боятся герои совершенно разных вещей: Штольц — *«воображения, этого двуличного спутника»* и *«всякой мечты»*, Обломов — треволений, нарушающих привычный уклад жизни: *«ожидание опасности и зла от всего, что не встречалось в сфере его ежедневного быта»*. Консерватизм Обломова подпитывается воспоминаниями и ностальгией о прошлой деревенской жизни, для него чрезвычайно сильна связь с традициями: *«так он попеременно волновался и успокаивался, и, наконец, в этих примирительных и успокоительных словах авось, может быть и как-нибудь Обломов нашёл и на этот раз, как находил всегда, целый ковчег надежд и утешений, как в ковчеге завета отцов наших, и в настоящую минуту он успел оградить себя ими от двух несчастий»*. Внимание автора ко внутреннему эмоциональному миру, душе Обломова и практическому интеллекту Штольца, таким образом, позволяет противопоставить их по признаку «рациональное — иррациональное», что также является классическим основанием для культурологического сравнения Востока и Запада.

Оппозиция образов, сформировавших впоследствии лингвокультурные концепты ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ, воплощает в себе цивилизационный выбор, основополагающий для русской культуры. Антагонистические пары ценностных ориентаций «созерцательность/деятельность», «рациональное/иррациональное», «прогресс/традиция» считаются ключевыми в сопоставительной характеристике западных и восточных культур.

Казалось бы, всё ясно: России нужны люди дела, которые поднимут её экономику, разовьют культуру, но вывод этого романа-исследования до парадоксальности противоположен: Штольцы опасны для России. Мы — Обломовы, и в этом наша судьба. Тем не менее, присутствует в романе и надежда на представителя нового, нарождающегося поколения, Андрея Ильича Обломова — сына Ильи Ильича и Агафьи Пшенициной, названного в честь Штольца. Штольц же и воспитывает Андрея после смерти отца. Андрей Обломов, таким образом, оказывается законным наследником обеих традиций, что и выражает надежду на возможность синтеза в русском характере лучших начал: двух противопоставленных друг другу векторов развития.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. А. Судьба России [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. — Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_06.html
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
3. Воркачëв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачëв. — М. : Гнозис, 2004. — 236 с.
4. Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелëв. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html
5. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / ред. И. А. Стернин. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 75—81.
6. Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. — Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. — 307 с.
7. Розанов В. В. Сочинения / В. В. Розанов. — М. : Современник, 1990. — 592 с.
8. Хайнади Э. Обломов как Анти-Фауст [Электронный ресурс] / Э. Хайнади // Вопросы литературы. — 2010. — № 4. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/ha19.html>
9. Чаадаев П. Я. Философические письма / П. Я. Чаадаев // Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. — М. : Наука, 1991. — Т. 1.

References

1. *Berdiaev N. A.* Sud'ba Rossii [Elektronnyj resurs] / N. A. Berdjaev. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_06.html
2. *Vezhbickaja A.* Semanticheskie universalii i opisanie jazykov / A. Vezhbickaja. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. — 780 s.
3. *Vorkachiov S. G.* Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept / S. G. Vorkachiov. — M. : Gnozis, 2004. — 236 s.
4. *Zalizniak A.* Kliuchevye idei russkoj jazykovej kartiny mira [Elektronnyj resurs] / A. Zaliznjak, I. Levontina, A. Shmeliov. — URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_22.html
5. *Karasik V. I.* Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija / V. I. Karasik, G. G. Slyshkin // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki : sb. nauch. tr. / red. I. A. Sternin. — Voronezh : VGU, 2001. — S. 75—81.
6. *Prihod'ko A. N.* Koncepty i konceptosistemy / A. N. Prihod'ko. — Dnepropetrovsk : Belaja E. A., 2013. — 307 s.
7. *Rozanov V. V.* Sochinenija / V. V. Rozanov. — M. : Sovremennik, 1990. — 592 s.
8. *Hajnadi Z.* Oblomov kak Anti-Faust [Elektronnyj resurs] / Z. Hajnadi // Voprosy literatury. — 2010. — № 4. — URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/ha19.html>
9. *Chaadaev P. Ja.* Filosoficheskie pis'ma / P. Ja. Chaadaev // Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma : v 2 t. — M. : Nauka, 1991. — T. 1.

ШЕВЧЕНКО Юлія Юрійвна,

аспірант кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

ОПОЗИЦИЯ ОБРАЗОВ ОБЛОМОВ/ШТОЛЬЦ КРИЗЬ ПРИЗМУ ЦИВИЛИЗАЦИЙНОГО ВИБОРУ РОСІЇ

Анотація. У статті аналізуються ціннісні підстави прецедентних феноменів — художніх персонажів — Обломов і Штольца, що є значущими для російської культури. Представлена опозиція образів, які як наслідок сформували лінгвокультурні концепти ОБЛОМОВ і ШТОЛЬЦ. Ціннісне протиставлення концептів відображує проблему цивілізаційного вибору, що є основоположним для російської культури. Опозиція ціннісних орієнтацій, що втілені в образах Обломова і Штольца («споглядальність/діяльність», «раціональне/іраціональне», «прогрес/традиція» та ін.) відповідає параметрам, які використовують при порівнянні західних та східних культур. Текстовий рівень втілення концептів дозволяє виявити специфічні характеристики російської мовної свідомості, які полягають в орієнтації на «обломівську модель світу», надання переваги споглядальним, традиційним та іраціональним настановам.

Ключові слова: лінгвокультурологія, лінгвокультурний концепт, західництво, слов'янофільство.

Yulia Yu. SHEVCHENKO,

Post Graduate Student of the Applied Linguistics Department of Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: poi@onu.edu.ua; тел.: +38 (0482) 680562

OPPOSITION OF IMAGES OBLOMOV/STOLTZ THROUGH THE PRISM OF THE CIVILIZATION CHOICE OF RUSSIA

Summary. In article the valuable bases of case phenomena, significant for the Russian culture — art characters — Oblomov and Stoltz are analyzed. The opposition of the images which created subsequently lingual and cultural concepts OBLOMOV and STOLTZ are presented. Valuable opposition of concepts reflects a problem of a civilization choice, fundamental for the Russian culture. The opposition of the valuable orientations embodied in Oblomov and Stoltz's images («contemplation/activity», «rational/irrational», «progress/tradition», etc.) corresponds to the parameters applied when comparing the western and east cultures. Text level of an embodiment of concepts allows to reveal specific characteristics of the Russian language consciousness which consist in orientation to «oblomovsky model of the world», preference of contemplate, traditional and irrational valuable installations.

Key words: lingual culture, concept, Westernism, Slavophilism, Oblomov, Stoltz.

Статтю отримано 11.10.2014 р.